

театра пьеса из социальным была большой успех, главным образом обстановка. Поставлена она была в режиссерском смысле, как и остальные, прекрасно, но что происходило на сцене, что говорилось на ней — уму невообразимо! Приподнятого мелодраматического уловного тона, без которого нельзя играть мелодрамы, у артистов не оказалось. Хорошо рычал только с. Рыбаков, создавший новый тип толстого герцога Альба. Остальные стремились к натуральности. Но как прикажете натурально выпаливать такие, например, афоризмы: „Ты отнял у меня жену, возврати мне родину... Ты отнял у меня честь, возврати мне свободу?“ и т. д. (за текстовальности не ручаясь). Впечатлительные конечно получались комические, ибо существует великий моральный закон, по которому нельзя безнаказанно говорить глупости даже на сцене. В смысле курьеза меня поразило одно место. Дебелый и дородный герцог Альба говорит (кажется во 2-м акте): „Варвары! Что пишут нам из нижних мѣстностей?“ Не ослышался ли я? Какой это „нижняя мѣстность“? Разли Нижний — но с какой стати? Неужели это les Pays-Bas, т. е. Нидерланды? Ай-ай, как хромает география на московской сцене! Нижняя мѣстность — непостижимо! Пальба на сцене, казни, палачи... я не знаю как на сцене, а меня это приводить в состояние трудно-удержимой веселости... Действует реакция вдраваго смысла и убивает палачию. Видя на сцене палачию создавать поэтическое вдохновение. Третье же то, что происходит, из души человека, то, что отбывается из нашей души, — а пальба фразами или запятыми раздражает только слуховую переноску! Совершенно естественно, что там, где фальшивый плеер как „Сафо“ и „Рицарь“ имѣют успех, погнано поэтическое произведение, как „Мария из Шотландии“ (такую настоящую зигану пьесу пореже кто драматурга, не имѣют и не могут имѣть успеха. Пьеса прошла, кажется, раз и на последующих спектаклях сборы поправились, но дублика безмолвствовала; она не знала, кому хлопать? У нас (мы еще наивны) всегда хлопают благородству, аму (тирдам), или несчастным героям. Но в драме Бюссе на сцене тирда и не герой, а есть болше или менше жалкие, слабые и несчастные люди. Не может быть, чтобы палача нечувствительна прелестно дѣлалой драма, удивительной силы пѣ-которых сцен... Но она молчала, недоумывала. „Народ безмолвствует“ — а артисты этого полюбил — и не полюбил пьесу. Дѣлать не менше добросовѣстно отношение к службѣ как — би номмо поли создал ансамбль. И три раза смотрѣл „Мария“ — и всѣм раз с новым удовольствием. Г-жа Ермолова сыграла, насколько возможно, идеализировать Марию по пьесе, не обезличила поэтический образ, созданный автором. В ней было мало той чувственной грации, которая окружает Марию, сообразительным блеском; по сцене убийства Ричио она сыграла прекрасно. Также превосходно была

она на тронѣ. в сценѣ торжественнаго правления. Вообще же играли, по моему, лучше, чѣм в двух других пьесах, и при всем том чувствовалось, что роли — актерам антипатичны. Благородней, видите-ли, в них мало, а мы безъ этого не можем! Ни для кого не тайна, что наша образцовая труппа не любитъ Ибсена, будируетъ его — вода можно такъ, выразиться. В этом настроеніи поддерживать артистов и наши доморощенные, уже знаменитые московскіе драмодѣлы. Плотна сомкнулись отечественные таланты, такъ одинъ и за другимъ и идутъ на сцену съ драмами и комедіями — все мѣста заняли, яблоку упасть некуда! Имъ в горы мало, что публика себя чествовать помыслала отъ скуки и жбности. По мнѣнію пѣкорныхъ почтеннѣйшихъ артистовъ „Ибсенъ — не поэтъ“. Совершенно справедливо! За то г. Шпажнскій несомнѣнный поэтъ, да къ тому же еще и моралист! Вотъ потому то „Нору“ у нас не играютъ, а „Коммѣбу Вилгунна“ исполняютъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Младость литературности — вотъ въ двухъ словахъ мой диагнозъ московскаго театра.

Такимъ образомъ и объясняю себя многое; и появленіе напр. сугубой суровости, какъ „Дюкнотъ“ Коппе, и возрожденіе самой плохой мелодрамы, и фальшивые антики, и плохой языкъ, которымъ исполняютъ переводы. Упадаютъ литературности и объясню также, почему до сихъ поръ одна изъ интереснѣйшихъ пьесъ А. П. Чехова, „Земель“, не имѣла себя доступна на сцену „образцовую“ сцену. Неужели потому только, что она когда-то была на частной сцене? Конечно, неприятно было бы повторить исторію съ „Теней“ г. Тарнопскаго, которую сперва поставили, а потомъ сняли съ репертуара — но вѣроятно возможно было бы дѣло предварительно уладить, еслибы было желаніе, а этого и нѣтъ. Чеховъ слишкомъ литературенъ для Малаго театр. Ни его „Ивановъ“, ни „Теней“ не прилежатъ нашимъ бонофинансамъ...

Внимательное наблюденіе показываетъ намъ, что поборъ проникаетъ въ жизнь силой теней. Новое для насъ, москвичей — это скандинавскія драмы. Они пробуютъ себя дорого, они будятъ на сценѣ, она имѣетъ подобающее ей мѣсто. Дайте срокъ. Сила есть на московской сценѣ, есть традиція, благодаритъ которую держится неуспѣшнѣйшая пьеса въ Россіи ансамбль. Не достаетъ только чисто-литературной воодушевленности. Не хочется бы играть, это такое оскудѣніе, должно продолжаться долго. Прощайте, господа, цари.

Александръ Ивановъ.